

Одна из самых сложных задач для режиссера – сохранить свою идентичность, передавая всю глубину и значимость текста драматурга через призму собственного мироощущения и призму перевоплощения актера. Эта универсальность сложна при взаимодействии не только с профессиональными артистами, а и с любителями, не имеющими театрального образования, но умеющими чувствовать театр так, как никто другой. Однако есть еще более сложный и трудоемкий процесс в работе режиссера – способность взаимодействовать с актером, возможности которого могут быть ограниченны. И здесь происходит полное переосмысление своей профессии, ее задач, своих задач и задач театра в целом. В одном из своих интервью Борис Дмитриевич Павлович как-то сказал: «Режиссура – это всегда психология, так или иначе, можно сказать, мы все друг друга “врезаем”, и главное – не переходить грань, превращаясь в демиурга, который дергает за нитки. Социальный театр – это вообще не метод, а понимание того, что искусство принадлежит народу. В том числе и народу с ограниченными возможностями. Я не верю в то, что инклюзивному театру нужен специальный инструментарий. Мы должны научиться обобществлять те профессиональные навыки, которые у нас есть». Он однозначно прав. Я уверена в каждом его слове. Тем не менее людей, имеющих такую смелость, не так много, но один из них – Лариса Абашева.

Все режиссерские работы Ларисы отличаются ее особенным восприятием человеческого мира. Она создает спектакль так, словно препарирует его, разделяя на частицы, а потом сшивает их в единое пестрое полотно. Если

б Лариса была художником, в ее стиле соединились бы сразу несколько гениев: Дали, Пикассо, Микеланджело, Ван Гог, Моне, Лотрек... Ее творчество настолько синтетически разношерстно, что иногда невозможно представить себе, как такое многообразие может быть сфокусировано в одной единой личности. Так было со спектаклем «Бородино. наброски людей», далее – «Шекспир», «Цирк Принтинпрам имени Даниила Хармса» и «Зверь», но последняя работа над пьесой драматурга Олега Богаева «Я убил царя» – это попытка показать изнаночную сторону настоящего, обрамляя недалекое прошлое элементами современного ток-шоу. Изначально спектакль вырос из эскиза, а окончательный вид он приобрел лишь через год из-за ковидных ограничений. Работа строилась долго, шла медленно, но в том оказалось и благо, ведь именно так представилась возможность прожить и пропустить через себя каждое слово пьесы и каждое замечание режиссера.

Мы оказываемся в зале суда. По центру расположена трибуна, где над секретарем в клетке восседает судья – Имперский Великий Маг, лидер ку-клукс-клана, олицетворяющий кошмар борьбы двух непримиримых сторон: старого и нового, слабых и сильных, высших и низших, – а по обе его руки, томящиеся в ожидании, вынужденные смотреть в глаза друг другу, не найдя никакой правды, – свидетели. Багровые и синие пятна света подчеркивают зловещую атмосферу ужаса в его повседневной реальности. И вот начинается разбирательство над самым страшным и покрытым пеленою тайн делом – убийством царской семьи. Каждый называет свою версию происходящего, каждого с одной стороны распирает от бахвальства и ненависти, с другой – невероятный страх перед неизвестностью поглощает и сдерживает, но также он не в силах удержать истин-

ную сущность «раба». Каждого подключают к сложной системе проводов «детектора лжи», и каждый является лишь «подопытным кроликом» безжалостной действительности. Самый главный вопрос срывается с губ каждого участника этого процесса: «А за что их жалеть?» – все звуки в этой фразе пронизаны гневом и жестокостью, от которой хочется наконец-то освободиться. Все действие спектакля выстроено вертикально по нарастающей. Есть несколько ключевых ролей, служащих своего рода кульминационными штрихами, дабы сюжетная линия отскакивала от каждой мизансцены с новой силой. Это роли в исполнении актеров Нины Шишкиной, Евгения Белезы, естественно, невозможно упустить реалистичную игру Александра Алферьева и Игоря Корделя. На фоне остальных их герои предстают совершенно открытыми, называя все своими именами, и будь что будет. Корделю с персонажем в принципе повезло – эдакий юродивый репортер-балалаечник, магнетически завораживающий всех своим частушечьим мотивом, в чем, кстати, и раскрывается душа простого русского человека, а в своей эмоциональности Игорь ни капли не уступает Александру Алферьеву.

В какой-то момент яркой вспышкой сквозь всю линию допроса на сцене появляются призраки расстрелянных царевен: невинные, в запачканных кровью белых рубашках среди темной толпы, они напоминают своим убийцам о совершенном «подвиге», но до этого нет никому дела, их не видят. Апогеем становится сцена признания Пётра Ермакова (Алексей Шестаков): «Я – Пётр Ермаков! Я Царя расстрелял! Я, а не кто-то другой! Я размозжил ему голову с первого выстрела, а потом остальных! (Пауза.) “Говорят”? Да мало ли говорят! Вы их не слушайте! Эти позже примазались, стрелял я вовсе один: “жах-жах-жах”! А те, кто были со мной, – от страха обделались, ручошки

тряслись. Рассказываю. Мы же Романовых наверху пытались штыками забить, не вышло, они как овцы метались, орали, потом мы их кровавых вниз согнали, живых еще. Все, что вы где-то увидели, – это кино. А в жизни я с первого выстрела сразу валил! Подходил: сначала царя, потом его бабу, подходил и валил, подходил и валил! Мальчошку, девиц... Я палил в их головы как в консервные банки, они все обалдели от удивленья: неужели так можно с живыми людьми?! – Да можно, я Пётр Ермаков!». Шестаков вобрал в себя всю энергию цинизма и ненависти и воплотил ее на сцене, показав, насколько безжалостным может быть человек, в какое озлобленное чудовище он превращается. Здесь нет хороших или плохих. Важно то, что режиссеру удалось сохранить принцип человеческой трансформации в зависимости от ситуации, в которой он пребывает.

В финале происходит срыв масок, и еще недавно восседавший на трибуне Имперский Маг снимает свой белоснежный колпак, и зрители узнают в нем беспомощного и слабого царя Николая. Молодому и талантливому Никите Устьянцеву всегда удается внести трепетность в образ своего героя: мимика, тон, голос, паузы – все это получается легко и обаятельно, что просто потрясает. Ангельский взор Устьянцева присущ немногим, и место его в этой роли – вопрос дискуссионный, требующий размышлений, но именно в этот момент концентрация любви и нежности в одном человеке, в одном актере перерастает в зрительское восхищение, проклевывающееся сквозь слезы переосмысления истории.

Лариса Абашева всегда увлекает зрителя в уникальный и одновременно странный мир, непохожий на остальные, и в этом ее прелесть. Нам остается наблюдать за тем, как режиссер находит новые способы самовыражения и воплощения идей на сцене.